

Ушёл в Дом Отца о. Игнаций Павлюс SDS

21 сентября 2026 года в Польше скончался о. Игнаций Павлюс SDS — священник-сальваторианец, много лет служивший в России и внёсший значительный вклад в возрождение Католической Церкви в Сибири.

О. Игнаций родился **16 сентября 1943 года** на юге Польши, в деревне Ясеница Силезского воеводства. В 1963 году вступил в орден сальваторианцев. После богословского образования 14 июня 1970 года был рукоположён в священники. До 1991 года служил в Польше, а затем приехал в Россию, в Иркутск.

С 1991 по 2006 год о. Игнаций был настоятелем Иркутского прихода Успения Пресвятой Богородицы. Он также участвовал в организации и окормлении католических общин в Ангарске, Усолье-Сибирском, Вершине, Майске и других местах, служил деканом Иркутского деканата и возглавлял отдел по делам семьи при епископской курии.

С 2006 по 2016 год о. Игнаций служил в Калининграде и Калининградской области, в приходах святого Адальберта и Святейшего Сердца Иисуса. С 2016 года жил и продолжал священническое служение в Польше.

Похороны состоятся 28 сентября в Поницах (Польша).

В память об о. Игнации мы публикуем свидетельство о. Антония СМФ — человека, который вместе с ним служил в Сибири и сохранил о нём личную, тёплую память.

«Байкал, сотворённый с любовью» — глазами Игнатия Павлюса SDS

Дорогой Игнась,

Сижу сегодня и улыбаюсь сквозь слёзы. **Двадцать первого сентября 2026 года Господь Иисус забрал тебя на другой берег.** Но в моей памяти ты всё так же стоишь в своих тяжёлых ботинках на взлётной полосе иркутского аэропорта.

Шёл октябрь 1991 года. Советский Союз трещал по швам. Религиозная свобода только сошла с кремлёвских бумаг прямо в морозную сибирскую грязь — а ты уже был там. Первый католический священник, миссионер-сальваторианец на этой бескрайней земле. Невысокий, плотный, в расстёгнутой куртке и с улыбкой такой широкой, что ею можно было обогреть добрую часть тайги.

— Знаешь, брат, — бросил ты вместо чинного «Слава Иисусу Христу», будто мы знали друг друга с детства, — сибиряк не тот, кто не мёрзнет, а тот, кто тепло одевается! Собирай манатки, едем на Байкал!

— Игнась, я только приземлился, дай дух перевести, — попытался я возразить.

— У воды переведёшь. Господь сотворил мир, а Байкал доводил до ума лично. Людей увидишь, попробуешь то, чего нигде больше нет.

И ты привёз меня к берегу этого синего сибирского моря. Помнишь тот ветер? Пробирал до костей. Вода была цвета глубокого сапфира, а горизонт казался бесконечным. Мне тогда вспомнились слова Чехова из его путешествия на Сахалин: «Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а

морем. Вода необыкновенно прозрачна, так что видно сквозь неё, как сквозь воздух; цвет её нежно-бирюзовый, приятный для глаза».

Ты развернул бумагу с ещё тёплым копчёным омулем — чудом байкальских вод. Жир блестел на пальцах, запах дымка смешивался со свежим воздухом.

— Пробуй, — подгонял ты с блеском в глазах. — Это не просто рыба. Это манна небесная по-сибирски!

И правда — вкус был райский. А потом ты запел. Встал на берегу и своим гулким голосом затянул русскую песню: «Славное море, священный Байкал...». Прохожие останавливались, смотрели на крепкого польского ксёндза и улыбались во весь рот. Русская пословица ведь говорит: где поют, там легче живётся. Ты воплощал это правило в каждом закоулке Иркутска.

Девяностые были суровыми. Не хватало ничего. Храмы едва пробуждались после долгого сна, а в человеческих сердцах царила духовная пустыня. Валентин Распутин, иркутский писатель, отзывался о здешней доле прямо: «Человек рождается не для того, чтобы жить удобно, а чтобы жить мужественно. А в Сибири мужество — обычный хлеб насущный». Это мужество было у тебя в крови. Ты не тратил времени на жалобы. Был твёрд, как сибирская лиственница, и одновременно открыт каждому — будь то православный батюшка, чиновник городской администрации с партбилетом в ящике стола, местный бурят или потомок польских ссыльных.

А помнишь твой легендарный УАЗик, прозванный «буханкой»? Зимой в нём намертво замерзали омыватель и топливная система, передачи переключались силой и истовой молитвой. Но вы с Сергеем, верным спутником твоих сибирских дорог, заводили мотор в тридцатиградусный мороз с помощью паяльной лампы и воззвания к святому Христофору. Как-то на трассе в Усолье-Сибирское оторвало колесо. Вместо того чтобы падать духом, ты вынул из багажника угольный самовар, заварил чёрный чай с кедровой хвоей и стал поить гаишников, приехавших проверить, что за странный монах ночует в сугробе. Пока ждали буксир, капитан ДПС уже просил тебя освятить патрульную машину и дать образок Богородицы.

— Игнась, как тебе удаётся ладить с любым чиновником и милиционером? — спрашивал я, когда ты в очередной раз выходил из кабинета с печатями в руках и приглашением на чай.

— Дело простое, — смеялся ты. — Ласковое теля двух маток сосёт! Вместо того чтобы махать шашкой, нужно смотреть человеку в глаза. Каждый тоскует по добру, просто порой сам забывает об этом.

Достоевский подметил в «Записках из Мёртвого дома»: «Даже в самом глубоком сибирском мраке душа человеческая не гаснет, она лишь ждёт искры, которая напомнит ей о солнце». Ты и был этой искрой. Ходил по домам, где вместо икон ещё висели портреты Ленина, а возвращался с банками брусничного варенья и солёных груздей. В один из первых Сочельников в неотапливаемом приходском зале не хватило облаток. Что сделал Игнась? Тонко нарезал белый сибирский батон, благословил его с улыбкой и сказал растроганным бабушкам: «Бог смотрит на чистоту сердца, а не на рецепт пекаря!». Плакали от счастья все.

Тебе доверяли сразу. Тебя знал весь Иркутск и, кажется, пол-Восточной Сибири. Стоило тебе войти в комнату — становилось светлее. Ты открывал в людях дары, о которых они сами не догадывались. Одного ставил читать, другого — играть на органе, третьему поручал транспорт. Создавал вокруг живую общину — без пафоса, с огромным сердцем.

Даже с суровой сибирской фауной у тебя был свой договор. До сих пор вспоминают, как в тайге ты столкнулся нос к носу с молодым медведем. Вместо паники ты спокойно заговорил с ним по-польски: «Миша, брат, ступай к своей малине, я тут просто шишки собираю». И зверь ушёл, словно внял дипломатии.

Позже миссионерский путь повёл тебя дальше, но **в фундаменте здешней Церкви навсегда остались твои следы**. На берегах Ангары и Байкала до сих пор помнят весёлого польского ксёндза, который заново учил их молитве и надежде.

Сейчас, когда ты ушёл в Дом Отца, я верю: святой Пётр уже крепко обнял тебя, а ты объясняешь ангелам, как правильно коптить омуля, и поёшь им сибирские песни.

Спасибо тебе, сердечный Брат, за твоё присутствие, за живое свидетельство веры, за священство без фальши и за каждый прожитый вместе радостный день.

Для нас и для этой бескрайней земли ты навсегда останешься миссионером Сибири.

До встречи, Игнась.

Антоний СМФ